
Дали Лайтмун
Провизор для дракона
или Лавка зелий на Кривой улице

Далли Лайтмун

Провизор для дракона, или Лавка зелий на Кривой улице

https://litres.ru/74715657
SelfPub; 2026

Аннотация

Я провизор с восьмилетним стажем. С первого взгляда отличаю аллергика от симулянта, а мигрень от похмелья. Но к такому жизнь меня не готовила.

Уснула после ночной смены в аптеке, а проснулась в чужом теле и в чужом мире. Теперь я Лина Вейр, девятнадцатилетняя сирота и наследница бабушкиной лавки зелий. Лавка заброшена, на двери висит печать городской стражи, в подвале живёт мандрагора с отвратительным характером, а долг перед городом — триста сорок золотых. Срок — до Ночи Долгов.

И всё бы ничего, но глава стражи лорд Кайрен дэ Арвиш, ледяной дракон с манерами айсберга, собирается лавку закрыть, а меня выслать из города за незаконное зельеварение.

Ну уж нет. Милорд, вы ещё не знаете, на что способен фармацевт, у которого отбирают аптеку.

А ещё я, кажется, знаю, почему вы не спите по ночам. И почему вам так холодно.

Содержание

Глава 1. Побочный эффект 5
Глава 2. Проверяющий 20
Глава 3. Чердак 31
Глава 4. Платят натурой 44
Глава 5. Гильдия 54
Глава 6. Ночная тень 64
Глава 7. Экзамен 76
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Далли Лайтмун
Провизор для дракона, или Лавка зелий на Кривой улице

Далли Лайтмун
Провизор для дракона
или Лавка зелий на Кривой улице

Глава 1. Побочный эффект

Ночная смена в круглосуточной аптеке — это отдельный жанр. Где-то между хоррором и комедией положений.

В половине третьего пришёл мужчина за «чем-нибудь от сердца, только чтобы без рецепта и посильнее». В три — девушка, которой срочно нужен был тест на беременность, валерьянка и шоколадка. Именно в таком порядке. В четыре прибежал парень с вопросом, можно ли запить антибиотик пивом, если пиво безалкогольное.

— Можно, — сказала я. — Если хотите проверить, что сломается раньше: печень или антибиотик.

Он подумал и купил минералку. Маленькая победа фармацевтики.

В шесть утра я сдала кассу, расписалась в журнале, пожелала сменщице Тамаре терпения, а заведующей — чтобы её ревизия провалилась сама в себя, и поплелась домой. Восемь лет я провизор. Восемь лет я знаю наизусть, чем ибупрофен отличается от парацетамола, а мигрень от похмелья. И восемь лет мечтаю о собственной аптеке. Маленькой. Уютной. С травяными сборами на полках, с колокольчиком над дверью и без заведующей.

Дома я упала на диван прямо в куртке. Последней мыслью было: «Надо хоть ботинки снять».

Ботинки я так и не сняла.

***

Проснулась я от того, что мне на лицо капало.

Кап. Кап. Кап.

Холодно, мерзко и с отчётливым запахом плесени. Я поморщилась, не открывая глаз, и мысленно составила список претензий к соседям сверху. Список получился длинный и непечатный.

— Встава-а-ай, — проскрипел кто-то рядом. — Вставай, бестолочь. Ты третий день лежишь. Мне скучно.

Голос был тонкий, противный и какой-то… деревянный. Как если бы заговорил старый стул.

Я открыла глаза.

Потолка не было. То есть был, но не мой. Мой потолок был белый, натяжной, с одной лампочкой, которую я полгода собиралась поменять. А этот — тёмный, бревенчатый, с паутиной в углах и дырой, через которую виднелось серое небо. Из дыры и капало.

— О, очнулась, — обрадовался голос. — Ну наконец-то. Я уж думал, ты померла. Опять.

Я медленно повернула голову.

На столе возле кровати стоял глиняный горшок. Из горшка торчало нечто. Корень, похожий на сморщенную морковку, с двумя глазками-бусинками, ртом-щёлочкой и пучком листьев на макушке, как у панка. Нечто смотрело на меня. С презрением. С таким глубоким, концентрированным презрением, какое я видела только у нашей заведующей в день

ревизии.

— Галлюцинация, — сказала я вслух. Голос был чужой: выше, звонче и сиплый со сна. — Переутомление. Недосып. Возможно, отравление угарным газом. Надо проветрить и выпить сладкого чая.

— Сама ты галлюцинация, — обиделась морковка. — Я мандрагора. Потомственная. Между прочим, в моём роду были корни, которыми короли лечили подагру.

— Мандрагора, — повторила я. — Mandragora officinarum. Семейство паслёновых. Содержит тропановые алкалоиды: атропин, скополамин, гиосциамин. Вызывает галлюцинации, тахикардию, сухость во рту.

Я прислушалась к себе. Во рту было сухо. Сердце колотилось. Картина сходилась.

— Ясно, — сказала я. — Я тебя съела.

— Что?! — мандрагора аж листьями затрясла. — Да как ты… Да ты… Бабка твоя меня тридцать лет растила! Тридцать лет! А внучка лежит, говорит гадости и хочет меня съесть!

— Не хочу, — честно ответила я. — Ты, судя по всему, уже.

И тут я посмотрела на свои руки.

Руки были не мои. Тонкие, бледные, с длинными пальцами и обломанными ногтями. На безымянном пальце левой руки — тонкое серебряное колечко. Никаких колец я не носила: мешают работать с перчатками. И шрама на большом

пальце, оставшегося от разбитой в институте колбы, тоже не было.

Я села. Мир качнулся, но устоял. Подо мной оказалась узкая кровать с продавленным матрасом и одеялом, которое пахло мышами. Вокруг — маленькая комната. Скошенный потолок, одно окошко с мутным стеклом, сундук, табурет, стол с мандрагорой. И зеркало на стене. Старое, в пятнах, с трещиной по углу.

Я встала и подошла к нему. Ноги слушались плохо, как после долгой болезни.

Из зеркала на меня смотрела девушка лет девятнадцати. Худая, бледная до синевы, с огромными серыми глазами и спутанной копной волос цвета… Я прищурилась. Цвета мокрого пепла. Ну, или некрашеного льна. Острый подбородок, вздёрнутый нос, синяки под глазами. Хорошенькая, если отмыть, откормить и дать выспаться.

Это была не я.

Мне двадцать девять. У меня каре, которое я крашу в каштановый, щёки, которые я ругаю, и морщинка между бровей, которую я заработала, разбирая почерк врачей.

— Так, — сказала я девушке в зеркале. Девушка сказала «так» одновременно со мной. — Так. Спокойно. Без паники.

— Ты чего с зеркалом разговариваешь? — подозрительно поинтересовалась мандрагора. — Лина, ты головой ударилась, когда упала, да? Я так и знал. Я говорил: не лезь на лестницу, она гнилая. А ты что? «Бабушкины записи на чер-

даке, бабушкины записи на чердаке». Вот и лежи теперь с записями.

— Лина, — медленно повторила я.

И в этот момент в голове что-то щёлкнуло.

Не воспоминание даже, а как будто открыли ящик стола, забитый чужими бумагами. Лина Вейр. Девятнадцать лет. Сирота. Родители умерли, когда ей было пять, — какая-то лихорадка. Воспитывала бабушка, Марта Вейр, травница и зельевар, хозяйка лавки на Кривой улице города Ривенхолл. Бабушка умерла полгода назад. Лавка закрылась. Деньги кончились. Долги — остались.

А три дня назад Лина полезла на чердак за старыми бабушкиными тетрадями, потому что надеялась найти там рецепт хоть чего-нибудь, что можно продать. Лестница сломалась. Лина упала.

Дальше ящик был пуст.

Дальше была я.

Я села на табурет, потому что ноги решили, что с них хватит.

— Я умерла, — сказала я. — Я умерла на диване в ботинках. От чего? Мне двадцать девять, у меня нормальное давление, я не курю… Тромбоэмболия? Аритмия? Господи, как глупо. Восемь лет в аптеке, и даже не узнаю, от чего.

— Ты не умерла, — сердито сказала мандрагора. — Ты лежала. Три дня. Без сознания. Я, между прочим, тебе всё это время пел, чтобы ты не скучала.

— Что пел?

— Колыбельные. Бабушкины.

Я представила, как эта морковка три дня скрипит колыбельные над бессознательным телом, и мне стало сразу и смешно, и жутко, и почему-то очень жалко. Не себя. Лину. Девочку, которая упала с лестницы в пустом доме, и рядом не было никого, кроме говорящего корня в горшке.

Ну а потом в её тело пришла я.

— Ладно, — сказала я. — Ладно. Допустим. Попаданка. Как в книжках, которые Тамара читает на смене с телефона. Значит, другой мир, магия, драконы, принцы… Принцы есть?

— Чего?

— Неважно. Как тебя зовут?

Мандрагора приосанилась, насколько вообще может приосаниться корнеплод.

— Мандрагор Третий из рода Корнесильных!

— Я буду звать тебя Мандя.

— Не смей!

— Мандя, — твёрдо повторила я. — Есть в этом доме еда?

***

Еды в доме не было.

Я это выяснила за десять минут, обойдя весь второй этаж — две комнаты и кладовку — и спустившись по скрипучей лестнице на первый. Мандю я прихватила с собой, прижав горшок к груди. Он всю дорогу ворчал, что я его трясу, что у

него корни нежные и что бабушка носила его «с уважением».

А на первом этаже была лавка.

Я остановилась на последней ступеньке и забыла, как дышать.

Она была маленькая. Метров двадцать, не больше. Низкий потолок с балками, с которых свисали пучки сушёных трав — давно пересохших, пыльных, рассыпающихся от сквозняка. Вдоль стен — полки до самого потолка. На полках — банки, склянки, бутылочки, флаконы. Сотни. Синее стекло, зелёное, янтарное, прозрачное. Глиняные горшочки с притёртыми крышками. Деревянные коробочки с выжженными надписями. Прилавок из тёмного дерева, отполированный тысячами ладоней. Медные весы с гирьками. Ступка с пестиком. Маленький перегонный куб в углу, похожий на самогонный аппарат моего деда.

И колокольчик над дверью.

Всё это было покрыто толстым слоем пыли. Паутина висела гирляндами. В углу кто-то шуршал — надеюсь, мыши, а не что-то местное и плотоядное. Окна были закрыты ставнями, сквозь щели пробивались полоски серого света, и в этих полосках танцевала пыль.

Это была аптека.

Моя аптека. Маленькая, уютная, с травяными сборами на полках и колокольчиком над дверью.

И без заведующей.

— Ты чего ревёшь? — испугался Мандя.

— Я не реву, — сказала я и вытерла щёку рукавом чужой ночной рубашки. — Это аллергия. На пыль. Дерматофагоиды, клещи домашней пыли. Очень распространённый аллерген.

— Чего?

— Ничего. Мандя, это всё — бабушкино?

— Теперь твоё, — вздохнул он. — Если не отберут.

Я поставила горшок на прилавок и пошла вдоль полок, читая надписи. Буквы были незнакомые — угловатые, с завитушками, — но я их понимала. Спасибо, Лина. Спасибо тебе, девочка, хоть за это.

«Настойка сонной лилии». «Порошок лунного мха». «Корень огнецвета, сушёный». «Слёзы виверны» — я на всякий случай не стала открывать. «Эликсир бодрости, малый». «Мазь от ожогов, драконьих и прочих».

Драконьих.

— Мандя, — осторожно спросила я. — А драконы у вас… в каком смысле? Как сказочный персонаж или как налоговая инспекция?

— Как налоговая инспекция, — мрачно сказал Мандя. — Только хуже. Налоговая хоть не летает.

Я решила пока не углубляться.

Взяла с полки бутылочку с надписью «Эликсир бодрости», вытащила пробку и понюхала. Пахло мятой, имбирём и чем-то горьким, похожим на полынь. Поднесла к свету. Осадок на дне, жидкость мутная, с неприятным бурым оттенком.

— Испортилось, — сказала я. — Срок годности вышел, и хранили неправильно. Тут же сыро, а стекло прозрачное, свет попадает. Действующие вещества разлагаются. Это даже продавать нельзя.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Мандя. — Ты никогда в зельях не разбиралась. Бабушка тебя учила-учила, а ты всё на кухню сбегала.

Я посмотрела на него. Он посмотрел на меня. Глазки-бусинки сузились.

— Ты не Лина, — сказал он тихо.

Ну вот. Сутки не прошло, а меня уже раскрыл корнеплод.

Можно было соврать. Сказать, что упала, головой ударилась, что-то вспомнила. Но врать мандрагоре, которая три дня пела колыбельные над телом её девочки, мне не хотелось.

— Нет, — сказала я. — Не Лина. Меня зовут Алина. Алина Воронова. Я из другого мира. Там я была провизором. Это… ну, зельевар, только без магии. Мы готовили лекарства и продавали их. И я, кажется, там умерла. А проснулась здесь.

Мандя долго молчал. Листья на его макушке поникли.

— А Лина? — спросил он наконец.

Я не знала, что ответить. Ящик с её воспоминаниями был у меня в голове, но самой Лины там не было. Только бумаги. Только факты.

— Я не знаю, Мандя, — сказала я честно. — Мне кажет-

ся… Мне кажется, она ушла раньше, чем я пришла. Мне очень жаль.

Он отвернулся. Насколько может отвернуться корень в горшке — просто повернул глазки к стене.

— Она была хорошая, — сказал он. — Бестолковая. Но хорошая. Поливала меня. Разговаривала со мной. Бабушка умерла, и все ушли, а она осталась.

— Я тоже останусь, — сказала я. — И поливать буду. И разговаривать. И лавку эту подниму, вот увидишь. Это я умею. Ну, почти умею. Надо только разобраться, как тут всё устроено.

Мандя покосился на меня.

— Ты ещё ничего не знаешь, — сказал он. — Про печать.

— Какую печать?

Он кивнул листьями на дверь.

Я подошла к двери. Отодвинула тяжёлый засов, толкнула створку — она открылась наружу, на узкую мощёную улицу, по которой ползла утренняя серая морось. Напротив косо-бочились такие же старые дома с вывесками: сапожник, булочная, какая-то лавка с вывеской «Ткани и прочее». Пахло мокрым камнем, дымом и свежим хлебом — у меня тут же заурчало в животе.

А на двери снаружи, прямо поверх облезлой вывески «Зелья и снадобья Марты Вейр», висела бумага.

Плотный желтоватый лист. Красная сургучная печать с оттиском — крылатый силуэт, обвивающий меч. И текст, на-

писанный ровным, резким, очень официальным почерком:

«Предписание городской стражи Ривенхолла.

Лавка зелий по адресу: Кривая улица, дом 7, — закрыта в связи со смертью владелицы, держательницы лицензии Марты Вейр. Наследница, Лина Вейр, лицензией зельевара не обладает.

Задолженность по налогам и сборам: 340 золотых.

В случае непогашения задолженности и непредоставления лицензии в течение месяца со дня настоящего предписания имущество подлежит изъятию в пользу города, а наследница — выселению.

Торговля зельями без лицензии запрещена и карается штрафом или высылкой из города.

Глава городской стражи Ривенхолла, лорд Кайрен дэ Арвиш».

Внизу стояла дата. Я сверилась с ящиком Лининых воспоминаний и посчитала.

С момента предписания прошло двадцать три дня.

— Мандя, — сказала я очень спокойно. — Сколько стоит буханка хлеба?

— Медяк, — отозвался он из лавки.

— А в одном золотом сколько медяков?

— Сто.

— А сколько у нас денег?

Пауза.

— Три медяка, — сказал Мандя. — И ещё пуговица. Но

пуговица, наверное, не считается.

Я закрыла глаза.

Тридцать четыре тысячи медяков. Семь дней. Ни лицензии, ни денег, ни еды. Испорченные зелья на полках, дырявая крыша, мандрагора с характером. И лорд Кайрен дэ Арвиш, который, судя по почерку, лично подписывает такие бумажки, не моргнув.

Восемь лет я мечтала о своей аптеке.

Ну вот. Получите и распишитесь. Мечты, оказывается, сбываются. Просто никто не предупреждал, что с задолженностью.

***

Я как раз собиралась вернуться в дом, найти хоть что-нибудь съедобное и сесть думать, когда улица вдруг замолчала.

Именно замолчала. Только что булочник напротив переругивался с кем-то через окно, где-то стучал молоток, хлопали ставни — и вдруг тишина. Такая, что слышно, как морось шуршит по мостовой.

А потом по улице прошла тень.

Огромная. Она накрыла дома напротив, скользнула по мостовой, по мне — и мне сразу стало холодно, будто кто-то открыл дверцу морозилки. Я подняла голову.

Над крышами Кривой улицы, медленно, лениво, как огромная хищная птица, пролетал дракон.

Он был серебристо-белый, с голубым отливом, как лёд на реке в солнечный день. Длинное гибкое тело, перепончатые

крылья размером с баскетбольную площадку, гребень вдоль хребта. Чешуя переливалась даже в этом сером свете. Каждый взмах крыльев гнал вниз волну холодного воздуха, и капли мороси замерзали прямо в полёте, сыпались на мостовую мелкой ледяной крупой.

Он развернулся над соседней крышей, и на мгновение мне показалось, что огромная голова повернулась, а ледяные глаза с вертикальным зрачком посмотрели прямо на меня. Прямо на меня, в ночной рубашке, босиком, на пороге лавки с красной печатью на двери.

А потом он взмахнул крыльями и ушёл вверх, к серым тучам, туда, где над городом поднимались шпили какого-то замка.

Улица выдохнула. Булочник перекрестился — или сделал какой-то местный жест, очень похожий. Застучал молоток.

Я стояла на пороге и не могла пошевелиться.

— Это кто? — спросила я наконец шёпотом.

— Это, — мрачно отозвался из лавки Мандя, — лорд Кайрен дэ Арвиш. Глава городской стражи. Ледяной дракон. Тот самый, который подписал печать.

— Он что, лично летает проверять должников?

— Он лично летает везде, — сказал Мандя. — Говорят, он видит сверху каждую крышу в Ривенхолле. И каждую дыру в каждой крыше. И если в твоей лавке хоть один флакончик продадут без лицензии — он узнает к вечеру.

Я медленно закрыла дверь. Задвинула засов. Прислони-

лась к нему спиной.

Сердце колотилось. Тахикардия. Мандрагору я, как выяснилось, не ела, так что это был обычный, честный, человеческий страх.

А ещё что-то другое. Что-то, чего я не чувствовала уже очень давно, примерно с тех пор, как заведующая в третий раз сказала, что «повышения в этом году не будет, Алина Сергеевна, сами понимаете».

Злость. Спортивная, бодрящая, отличная злость.

— Мандя, — сказала я. — Сколько у нас трав в подвале?

— Ну… — он задумался. — Много. Бабушка всегда запасала. Сушёные. Половина, наверное, уже не годится.

— А половина годится, — сказала я. — Тетради бабушкины где?

— На чердаке. Ты же за ними и полезла.

— Значит, полезу ещё раз. Только лестницу сначала проверю.

Я оттолкнулась от двери и прошла к прилавку. Провела пальцем по пыльному дереву. Посмотрела на ряды склянок, на медные весы, на ступку. На перегонный куб в углу.

— У меня семь дней, — сказала я. — Мне нужно где-то найти триста сорок золотых и лицензию. И при этом не торговать без лицензии, чтобы меня не выслали.

— Это невозможно, — сказал Мандя.

— Это просто плохо сформулированное техзадание, — возразила я. — Ладно. Первое: еда. Второе: инвентариза-

ция. Третье: выяснить, как в этом городе получают лицензию. Четвёртое…

Я посмотрела в окно, сквозь щель в ставнях, туда, где над крышами в сером небе ещё таял ледяной след от драконьих крыльев.

— Четвёртое, — сказала я. — Лично познакомиться с лордом дэ Арвишем.

— Зачем?! — в ужасе пискнул Мандя.

— Затем, — сказала я и закатала рукава чужой ночной рубашки, — что с проверяющими надо знакомиться заранее. Это я, Мандя, тоже умею.

Мандрагора посмотрела на меня. С презрением. Но, кажется, уже чуть-чуть, совсем немного — с уважением.

— Бестолочь, — сказал он. — Новая бестолочь. Ну хоть не скучно будет.

— Вот и договорились, — сказала я.

Где-то над городом, далеко-далеко, протяжно и холодно прокричал дракон.

Почему-то мне показалось, что он смеётся.

Глава 2. Проверяющий

Еда нашлась у соседей. Точнее, у соседки.

Булочная напротив называлась «Румяный каравай», и пахло от неё так, что я перебежала улицу, едва натянув на себя первое попавшееся платье из сундука. Платье было серо-зелёное, штопаное на локтях и великоватое в груди. Лина, похоже, донашивала бабушкины вещи. Ничего. Мне на ночных сменах доводилось ходить и не в таком.

За прилавком стояла женщина размером с хороший шкаф. Румяная, как её караваи, в муке по локоть, с руками, которыми можно было месить не тесто, а бетон. Увидев меня, она уперла кулаки в бока.

— Явилась, — сказала она. — Живая. А я уж думала, ты там совсем пропала, Лина Вейр. Три дня ставни закрыты, ни дыма, ни огня. Хотела стражу звать, да этот твой корень из окна так на меня орал, что у меня тесто опало.

— Мандя переживал, — сказала я.

— Кто?

— Неважно. Тётушка… — я порылась в Лининой памяти и нашла: Гретта. Гретта Хоббс. Вдова, сын лет восьми, лучшие булки на Кривой улице и самый громкий голос в квартале. — Тётушка Гретта. У меня три медяка. Мне нужен хлеб. И, если можно, что-нибудь к нему.

Гретта посмотрела на меня. На мои торчащие ключицы,

на синяки под глазами, на платье, болтающееся, как на вешалке. Что-то в её лице дрогнуло.

— Убери свои медяки, — буркнула она. — Сядь вон там, в углу. Сейчас каши положу.

— Я не могу просто так…

— Можешь. Марта меня от родильной горячки спасла, когда Томми рожала. Я её внучке тарелку каши всегда налью. Сядь, говорю!

Я села.

Каша была пшённая, на молоке, с маслом и мёдом. Я съела две тарелки и, кажется, могла бы съесть третью, но постеснялась. Гретта поставила передо мной кружку травяного отвара и ещё тёплую булку с корицей.

Где-то на второй булке из-за печи донёсся кашель.

Нехороший кашель. Лающий, грубый, с присвистом на вдохе. Я машинально прислушалась, как прислушиваются врачи и провизоры, у которых профдеформация давно вросла в позвоночник.

— Это Томми, — вздохнула Гретта. — Четвёртый день так. Ночью совсем худо, задыхается. Я его и мёдом поила, и над картошкой дышать заставляла — ничего. А к лекарю идти — это серебряк за осмотр и ещё два за зелье. Лавка твоей бабушки закрыта, а в Гильдии такие цены, что дешевле помереть.

— Можно я посмотрю? — спросила я.

Гретта удивилась.

— Ты? Ты же в травах не разбиралась никогда. Марта жаловалась.

— Я… много читала её записей, — соврала я. Ну, почти соврала. — Можно?

Томми оказался худеньким мальчиком с огромными глазами и такими же, как у матери, рыжими волосами. Он сидел на лежанке у печи, завернувшись в одеяло, и смотрел на меня с подозрением человека, которого уже четыре дня заставляют дышать над картошкой.

Я села рядом и попросила его покашлять. Потом показать горло. Потом приложила ухо к его спине — стетоскопа тут, понятное дело, не водилось — и послушала, как он дышит.

Лающий кашель. Осиплость. Шумный вдох. Температура небольшая. Хуже ночью.

Ложный круп. Ну, или его местный родственник. У нас в аптеке таких мамочек с детьми зимой было по пять за ночь.

— Тётушка Гретта, — сказала я. — Ночью, когда ему станет хуже, не надо его греть и над паром держать. Наоборот. Заверните его потеплее, откройте окно или выйдите с ним на крыльцо, пусть подышит холодным влажным воздухом. Минут десять. Отёк в горле от холода спадёт. И пить давайте много, тёплое, но не горячее. Комнату проветривайте. И никакой картошки.

— Холодным? — Гретта смотрела на меня как на сумасшедшую. — Больного ребёнка — на холод?

— На десять минут. Укутанного. Поверьте мне.

Она поджала губы, но ничего не сказала. А я подумала, что хорошо бы ещё что-то от отёка. Что-то противовоспалительное. Солодка, алтей, может быть, что-то местное, с похожим действием. В бабушкиной лавке наверняка было. Только вот продавать мне нельзя.

А отдать даром — можно?

— Я вечером принесу сироп, — сказала я. — Не продам. Принесу. Соседям ведь можно помогать?

Гретта помолчала, потом кивнула и сунула мне в руки свёрток. В свёртке были две буханки хлеба, кусок сыра и полдюжины яиц.

— Не продам, — сказала она с нажимом. — Подарю. Соседям ведь можно помогать.

И подмигнула.

***

Я возвращалась домой с хлебом в обнимку и впервые за это утро чувствовала себя человеком, когда улица снова замолчала.

Второй раз за день. Я уже начинала узнавать эту тишину.

Только теперь тени на мостовой не было. Вместо неё по улице шёл мужчина.

Он шёл неторопливо, заложив руки за спину, и люди перед ним расступались, как лёд перед ледоколом. Булочник из соседнего квартала прижался к стене. Две кумушки, сплетничавшие у колодца, замолчали на полуслове и уткнулись в вёдра. Даже бродячая собака, рывшаяся в отбросах, поджала

хвост и боком ушла в подворотню.

А он шёл, и от него тянуло холодом.

Высокий. Очень высокий, на голову выше любого мужчины на этой улице. Широкие плечи под тёмно-синим мундиром с серебряной вышивкой по вороту и манжетам. Чёрный плащ, сколотый у горла серебряной брошью — тот самый крылатый силуэт вокруг меча. Сапоги, начищенные так, что в них отражалось серое небо.

И волосы. Длинные, до плеч, серебристо-белые, совсем не седые — такого цвета бывает свежий снег под луной. Они лежали гладко, волосок к волоску, будто даже ветер не смел их трепать.

Лицо… Красивое. Чёрт, очень красивое. Резкие скулы, прямой нос, твёрдая линия челюсти, тонкие губы, сжатые в линию. На левой скуле, у самого виска, поблёскивала россыпь мелких серебристых чешуек, как иней на стекле. А глаза были светло-голубые, прозрачные, как лёд на горном озере, и с вертикальным зрачком.

Он остановился ровно напротив двери лавки. Ровно напротив меня.

— Лина Вейр, — сказал он.

Не спросил. Констатировал. Голос был низкий, ровный и холодный, как сквозняк из погреба.

— Лорд дэ Арвиш, — сказала я и, вспомнив, что тут, наверное, принято, неуклюже присела в подобии реверанса. Буханки хлеба чуть не выпали. Я перехватила их покрепче

и выпрямилась.

Он смотрел на меня сверху вниз. Долго. Изучающе. Так смотрят на образец под микроскопом, причём на образец не слишком интересный.

— Мне доложили, что вы пришли в себя, — сказал он. — И что сегодня утром вы открывали лавку.

— Дверь, — уточнила я. — Я открывала дверь. Чтобы посмотреть на улицу. Это ведь не запрещено?

Бровь — левая, со стороны чешуи — чуть дрогнула.

— Не запрещено.

— А заходить в собственный дом? — продолжила я. — Тоже не запрещено? Потому что я в нём живу. А лавка находится на первом этаже. Чтобы попасть на второй, мне приходится через неё проходить. Я надеюсь, это не считается нарушением предписания?

Тишина на улице стала какой-то совсем уж звенящей. Кумушки у колодца, по-моему, перестали дышать.

Лорд дэ Арвиш смотрел на меня. Я смотрела на него. В животе у меня было холодно и пусто, несмотря на две тарелки каши, но я держала лицо. Восемь лет в аптеке. Я выдерживала взгляд людей, которым отказывала в продаже снотворного без рецепта. Я выдерживала взгляд нашей заведующей на планёрках. Я выдерживала, в конце концов, взгляд налоговой проверки, которая нашла у нас просроченный йод.

Дракон — это просто ещё один проверяющий. Очень большой и очень холодный.

— Мне также доложили, — продолжил он, как будто я ничего не говорила, — что вы осматривали сына булочницы.

Я моргнула. Быстро у них тут работает разведка. Я от Гретты вышла пять минут назад.

— Осматривала, — согласилась я. — И дала совет. Бесплатно. Советы ведь не требуют лицензии зельевара?

— Не требуют, — сказал он медленно. — Пока это советы. Если я узнаю, что вы продаёте зелья…

— Вы узнаете к вечеру, — кивнула я. — Мне говорили. Вы видите сверху каждую крышу. И каждую дыру в каждой крыше. Кстати, в моей крыше их три. Если увидите сверху ещё одну, дайте знать, пожалуйста, а то мне на чердак пока страшно лазить.

Где-то у колодца звякнуло ведро. Кажется, одна из кумушек уронила.

Лорд дэ Арвиш молчал. Потом его взгляд скользнул вниз — на мой свёрток с хлебом, на мои руки, на тонкое серебряное колечко на пальце — и снова вернулся к лицу. И в глубине ледяных глаз что-то шевельнулось. Не тепло. Нет. Скорее интерес. Как у кота, который лениво смотрел на мышь, а мышь вдруг взяла и показала ему язык.

— Вы изменились, Лина Вейр, — сказал он негромко.

Сердце ухнуло вниз.

— Я упала с лестницы, — сказала я. — И три дня лежала без сознания. После такого все меняются. Знаете, переоценка ценностей.

— Знаю, — сказал он. И непонятно было, к чему это: к падению или к переоценке.

Он сунул руку за отворот мундира и достал сложенный лист. Протянул мне. Его пальцы на мгновение коснулись моих, и меня как будто окатило ледяной водой. Не метафорически. Самый настоящий холод, до костей, до мурашек по позвоночнику. Я едва не выронила бумагу. На кончиках его пальцев, я готова поклясться, серебрился иней.

Он заметил, как я вздрогнула. И сразу убрал руку за спину.

— Что это? — спросила я, разворачивая лист.

— Правила получения лицензии зельевара, — сказал он. — Экзамен проводит Гильдия зельеваров Ривенхолла. Ближайший — через пять дней. Вступительный взнос — десять золотых. Если вы сдадите экзамен и получите хотя бы ученическую лицензию, изъятие имущества будет отложено. Долг при этом никуда не денется.

Я подняла на него глаза.

— Зачем вы мне это даёте?

— Потому что таков закон, — ответил он ровно. — Наследник имеет право попытаться сохранить дело. Я обязан его об этом уведомить. Вы три дня были без сознания. Уведомляю.

— Спасибо, — сказала я. И, подумав, добавила: — Правда спасибо.

Он чуть склонил голову. Жест был такой, как будто он

не очень понимал, что делать с этим «спасибо», и решил на всякий случай его принять.

— Пять дней, Лина Вейр, — сказал он. — И десять золотых. Без продажи зелий.

— Это невозможно, — машинально сказала я словами Мани.

— Да, — согласился лорд дэ Арвиш. — Почти.

И впервые за всё время уголок его губ дрогнул. Едва-едва. Это нельзя было назвать улыбкой. Это было что-то вроде трещинки на льду.

А потом он развернулся, взметнув плащом, и пошёл прочь. И улица снова начала дышать.

***

— Ты с ним разговаривала, — сказал Мандя, когда я вошла. Он сидел в своём горшке на прилавке и, судя по всему, всё видел в щель ставней. — Ты с ним разговаривала! Про дыры в крыше!

— А что такого?

— Лина… То есть Алина. То есть… — Мандя потряс листьями. — С ним никто не разговаривает! С ним разговаривают только «да, милорд» и «нет, милорд», и то лучше молча! Говорят, в прошлом году один купец ему нахамил, так у купца в тот же вечер все окна инеем заросло. Изнутри!

— Красиво, наверное, — сказала я.

Мандя застонал.

Я положила хлеб на прилавок и развернула бумагу. По-

черк был тот же — ровный, резкий, официальный. Правила, перечень того, что спрашивают на экзамене, адрес Гильдии, сумма взноса. И внизу, мелко, уже другими чернилами, явно дописанное позже:

«Крыша. Над чердачной лестницей — четвёртая дыра. К.»

Я смотрела на эту строчку и не могла понять, что чувствую. Злость? Смех? Что-то ещё?

— Мандя, — сказала я. — Он действительно видит сверху каждую дыру.

— Я же говорил!

— И нашёл время это написать.

Мандя замолчал. Посмотрел на меня. Потом на бумагу. Потом снова на меня.

— Ох, — сказал он. — Ох, нет. Только не это.

— Что «не это»?

— Ничего, — проворчал он. — Ничего. Бабушка твоя тоже так смотрела на деда. Перед тем как выйти за него замуж. А дед, между прочим, был порядочный человек, а не ледяная ящерица с титулом.

— Мандя, я смотрю на документ. С информацией о дыре в крыше.

— Ну-ну.

Я фыркнула и сложила лист. Убрала в карман фартука, который нашёлся тут же, под прилавком.

Пять дней. Десять золотых. Без продажи зелий.

— Так, — сказала я и закатала рукава. — Первое. Сироп для Томми. Мандя, где у бабушки корень алтея? Или что тут у вас от кашля?

— Медвежье ухо, — сказал Мандя. — Третья полка слева. И сладкий корень в ящике под ней. Только не перепутай с горьким, горький — для другого.

— Для чего?

— Для того, чтобы враги к тебе больше не приходили.

— Поняла, — сказала я. — Горький не трогаем. Пока.

Мандя посмотрел на меня с ужасом. Я улыбнулась ему самой лучшей своей улыбкой. Той самой, которой улыбалась заведующей перед уходом в отпуск.

— Шучу, — сказала я. — Мы спасаем людей. А потом сдаём экзамен. А потом отдаём долг. А потом чиним крышу. Все четыре дыры.

— А с драконом что делаем? — подозрительно спросил Мандя.

Я подумала.

— С драконом, — сказала я, — пока ничего. Дракон — это побочный эффект. Посмотрим, как будет проявляться.

Глава 3. Чердак

Четвёртая дыра действительно была над чердачной лестницей.

Я обнаружила её, когда задрала голову, стоя у подножия этой самой лестницы с масляной лампой в руке. Небольшая, с кулак. Через неё сочился серый дневной свет и задувал сквозняк. Ступени под ней почернели и разбухли от сырости. Неудивительно, что Лина рухнула. Удивительно, что она вообще успела залезть.

— Не полезу я туда, — сказал Мандя. Он стоял в своём горшке на нижней ступеньке и смотрел наверх с выражением глубочайшего пессимизма. — И тебе не советую. У меня уже есть один труп на совести. Почти.

— Мандя, у тебя нет совести. У тебя есть корни.

— Корни — это и есть совесть растения! — оскорбился он.

Я подёргала перила. Перила держались. Потрогала ступени. Нижние три — крепкие. Четвёртая — подгнившая. Пятая и шестая — проломленные, именно там Лина и полетела вниз. Дальше — снова целые.

— Через проломленные можно перешагнуть, — сказала я. — Если держаться за перила.

— А если перила не выдержат?

— Тогда ты споёшь мне колыбельную. Ты же умеешь.

Мандя что-то пробурчал про бестолочей, которые ничему не учатся, но спорить перестал.

Я поставила лампу на верхнюю ступеньку, вцепилась в перила обеими руками и полезла. Четвёртая ступенька скрипнула. Пятую и шестую я перешагнула, повиснув на руках, как в школе на физкультуре. Седьмая выдержала. Восьмая тоже. На девятой я уже стояла на пороге чердака, тяжело дыша, а сердце колотилось где-то в горле.

Тело у Лины было слабенькое. Надо будет откармливать. Пшённой кашей у Гретты, например.

— Живая? — донеслось снизу.

— Живая!

— Жаль, — буркнул Мандя. Но я слышала, как он облегчённо выдохнул.

***

Чердак был низкий, под самую крышу, с наклонными стенами, и пах сушёными травами, пылью и почему-то лавандой. В свете лампы я увидела сундуки, коробки, связки трав под стропилами, старое кресло с продавленным сиденьем и маленький письменный стол у слухового окна. На столе — стопка тетрадей в кожаных переплётах, чернильница, пучок перьев, огарок свечи.

Я подошла к столу и взяла верхнюю тетрадь.

«Рецептура. Том седьмой. Марта Вейр».

Почерк был мелкий, убористый, с наклоном вправо. Знакомый почерк человека, который пишет много и быстро и

больше заботится о содержании, чем о красоте. Наши врачи пишут хуже. Значительно хуже.

Я открыла наугад.

«Сироп от лающего кашля у детей. Медвежье ухо — две меры, сладкий корень — одна мера, цветы липы — полмеры. Залить водой из родника, томить на малом огне до половины объёма. На остывший отвар положить искру, держать, пока не засветится янтарным. Добавить мёд. Давать по ложке трижды в день. Ночью при удушье — холодный воздух».

Я перечитала последнюю строчку два раза. Холодный воздух. Бабушка Марта знала. Без всяких медицинских институтов, без учебников по педиатрии, без интернета. Знала, потому что смотрела, думала и записывала.

Я бы с ней подружилась.

А потом до меня дошла предыдущая строчка. «На остывший отвар положить искру».

Что значит «положить искру»?

Я полистала дальше. Почти в каждом рецепте было что-то подобное: «положить искру», «держать искру до зелёного свечения», «искру не давать — зелье слабое, но безопасное для младенцев». На одной странице было нарисовано что-то вроде схемы: ладонь над котлом, и от ладони вниз идут волнистые линии.

Магия. Здесь в зелья добавляют магию. Ну конечно. Иначе это были бы не зелья, а просто отвары. Как у нас.

А у меня магии нет. Я провизор из мира, где самое вол-

шебное — это когда поставщик привозит заказ вовремя.

Или есть?

Я посмотрела на свои руки — тонкие Линины руки с серебряным колечком. Лина была внучкой зельевара. Бабушка её учила. Значит, что-то в ней было. Хоть немного.

— Мандя! — крикнула я вниз. — Что такое «положить искру»?

Пауза.

— Ты и этого не помнишь? — простонал он. — Ох, бестолочь… Это когда зельевар отдаёт зелью немного своей силы. Чтобы оно работало. Без искры зелье — просто трава в воде. С искрой — уже лекарство.

— А как её отдают?

— Ну… Руку держишь над зельем. И хочешь. Сильно хочешь, чтобы помогло. Бабушка говорила: «Надо думать о том, кого лечишь, и о том, что ему нужно». И тогда из руки идёт тепло. А зелье начинает светиться.

— А у Лины получалось?

Ещё одна пауза. Дольше.

— Иногда, — неохотно сказал Мандя. — Чуть-чуть. Бабушка говорила, искра у неё есть, но слабая. А ещё Лина… она боялась. Что не получится. И поэтому не получалось.

Я села в продавленное кресло и задумалась.

Боялась, что не получится. Знакомо. Я в первый год работы так боялась ошибиться с дозировкой, что пересчитывала каждый рецепт трижды. Потом привыкла. Не перестала про-

верять, но перестала бояться.

— Ладно, — сказала я вслух. — Попробуем.

***

Тетрадей было двенадцать. Семь томов рецептуры, два тома с описанием трав — с рисунками, местами очень красивыми, местами схематичными, — один том с записями о больных: кто, когда, с чем приходил, что давала, чем закончилось. Настоящий журнал наблюдений. И две тетради, которые я сначала не поняла.

В них были не рецепты. Даты, имена, адреса. Короткие пометки: «Улица Кожевников, семья Брандт. Трое детей, рвота, судороги. Два умерли». «Нижний город, вдова Пирс. Слабость, онемение рук, выпадение волос. Умерла через месяц». «Торговец Эллис, нижний рынок. Купил зелье для сна у разносчика. Не проснулся».

Записи шли год за годом. Двенадцать лет. Последняя — за неделю до бабушкиной смерти.

«Снова. Нижний рынок, лоток без вывески. Мальчишка-разносчик. Флакон с синей пробкой. Взяла образец. Надо показать К.»

Надо показать К.

Я смотрела на эту букву, и по спине ползли мурашки.

К. Так подписался лорд дэ Арвиш на своей приписке про дыру. Но мало ли в этом городе людей на букву «К»? Каменщик Карл. Кузнец Клаус. Кто угодно.

А на самом дне второй тетради, между последней страни-

цей и обложкой, лежал конверт.

Плотный, желтоватый, запечатанный сургучом. Не красным, как у стражи, а зелёным, с оттиском веточки. И надпись тем же убористым бабушкиным почерком:

«Лине. Если меня не станет. Открыть, когда будешь готова».

Я держала конверт в руках и не могла пошевелиться.

Это было не мне. Это было Лине. Девочке, которой больше нет. Бабушка писала для внучки, а получит чужая женщина из другого мира. Имею ли я право?

— Алина? — донеслось снизу. — Ты там жива? Ты затихла.

— Жива, — сказала я хрипло. — Мандя… Тут письмо. От бабушки. Для Лины.

Долгая тишина.

— Открой, — сказал Мандя наконец. Голос у него был странный, тихий. — Ты теперь Лина. Другой нету. Бабушка бы хотела, чтобы его кто-то прочёл. Чтобы не зря.

«Открыть, когда будешь готова».

Я не была готова. Я третий час была в этом мире, у меня были три медяка, долг в триста сорок золотых, четыре дыры в крыше, экзамен через пять дней и дракон, который смотрел на меня, как на неопознанную бактерию.

Я убрала конверт в карман фартука. Рядом с листком от лорда.

— Потом, — сказала я. — Когда разберусь хоть с чем-

нибудь.

***

Я спустила тетради вниз в старой корзине, которую нашла тут же на чердаке, привязав её к верёвке. Потом слезла сама — тем же путём, повиснув над проломом на руках. Мандя внизу ругался шёпотом, пока я не встала на пол обеими ногами.

А потом я устроила инвентаризацию.

Это я умею. Это, наверное, лучшее, что я вообще умею. Каждый провизор знает: инвентаризация — это не про пересчёт коробочек. Это про то, чтобы понять, что у тебя есть, что можно использовать, а что — выбросить, пока оно никого не отравило.

Я разделила полки на секции. Мандя диктовал названия с прилавка — он, оказывается, помнил, где у бабушки что стояло, лучше, чем бабушкины тетради. Я снимала банку, открывала, нюхала, смотрела на свет, растирала щепотку между пальцами.

Сушёные травы. Половина — труха, пыль, плесень. В выброс. Четверть — пересохшие, но годные, если перебрать. Четверть — отличные, в плотно закрытых глиняных банках, в тёмном углу. Бабушка знала, что делает.

Готовые зелья. Почти всё испортилось. Мутное, с осадком, с неприятным запахом. Несколько флаконов в тёмном стекле, плотно запечатанных воском, выглядели нормально, но я понятия не имела, как тут определяют годность зелий,

и решила не рисковать.

Минеральное. Соль, порошки, кристаллы. Это не портится. Это было хорошо.

Инструменты. Весы — в порядке. Ступки — в порядке. Перегонный куб — пыльный, но целый. Котелки, ковши, сита, воронки, ложки, мерки. Всё на месте.

К вечеру у меня на прилавке лежал список на четырёх листах, у двери стояли три мешка мусора, у меня болела спина, и я была покрыта пылью с ног до головы. Но я знала, что у меня есть.

А у меня было немало. Если с умом.

— Медвежье ухо, — сказала я, держа в руках глиняную банку. — Хорошее. Сладкий корень — хороший. Липовый цвет — пересушен, но годится. Мёд у Гретты возьму. Вода… Вода из родника. Мандя, где родник?

— В конце улицы. У старой стены. Там все воду для зелий берут.

Я сходила за водой. Развела огонь в маленькой печке за прилавком — с третьей попытки, Мандя ругался, что я «как дракон без огня». Отмерила травы по бабушкиному рецепту. Залила водой. Поставила томиться.

Лавка наполнилась запахом. Сладким, тёплым, травяным. Точно таким, как я всегда представляла себе запах настоящей аптеки, — не хлорки и не пластика, а трав и мёда.

Через час отвар уварился до половины. Я процедила его через сито, дала немного остыть. Поставила на прилавок.

И замерла.

Теперь искра.

Я подняла руку над котелком. Закрыла глаза.

— Думай о том, кого лечишь, — тихо подсказал Мандя. — И о том, что ему нужно.

Я подумала о Томми. О рыжем мальчике, который четвёртую ночь задыхается от кашля. О его глазах, огромных и усталых. Об отёке в горле, о воспалённых связках, о том, как трудно ему дышать. О том, что ему нужно: чтобы отёк спал, чтобы горло успокоилось, чтобы он наконец уснул.

Я думала об этом так же, как думала каждый раз, когда протягивала через окошко аптеки лекарство. Сосредоточенно. Внимательно. С той самой профессиональной тревогой, которую никакой опыт до конца не вытравливает: а вдруг не поможет? А вдруг ошибка?

Ничего не происходило.

Я открыла глаза. Отвар был отваром. Коричневым, чуть мутным, совершенно обыкновенным.

— Не получается, — сказала я.

— Ты боишься, — сказал Мандя.

— Я не боюсь!

— Боишься. У тебя рука дрожит.

Я посмотрела на руку. Она действительно дрожала.

Я опустила её. Глубоко вдохнула. Выдохнула.

Чего я боюсь? Что не получится? Ну, не получится. Тогда я отнесу Томми просто травяной отвар, без всякой магии.

Солодка и мать-и-мачеха, или как там они тут называются, — это тоже лекарство. Это работает и без искры. Немного слабее, но работает. Я не обещала Гретте чуда. Я обещала сироп.

Я подняла руку снова. Не думала о том, получится или нет. Думала о Томми. И о том, что я знаю, как ему помочь. Не надеюсь. Знаю.

И почувствовала тепло.

Оно появилось где-то в груди, под рёбрами. Маленькое, как огонёк свечи. Медленно поползло вниз по плечу, по руке, к ладони. Ладонь стала горячей, как будто я держала её над печкой. А потом с кончиков пальцев сорвалось что-то — я не увидела, а почувствовала, как будто выдохнула через руку.

И отвар засветился.

Слабенько. Едва-едва. Мягким янтарным светом, как мёд на солнце. Свет шёл изнутри, из глубины котелка, и на стенах лавки задрожали тёплые блики.

— Получилось, — прошептал Мандя.

Я стояла и смотрела на светящийся отвар. В груди было пусто и легко, как после долгого плача. Руки дрожали теперь по-настоящему. Ноги стали ватными.

— Получилось, — повторила я.

— Не так, как у бабушки, — честно сказал Мандя. — Бабушкины зелья светились так, что глаза слепило. Но получилось. Первый раз за… да вообще, по-моему, первый раз.

Я села на пол прямо за прилавком, потому что стоять больше не могла. Мандя свесил листья через край прилавка, чтобы меня видеть.

— Это слабость от искры, — объяснил он. — Пройдёт. Тебе надо поесть. И поспать. Бабушка после большого зелья всегда пила сладкий чай и спала до утра.

— Сначала сироп, — сказала я. — Томми.

— Сначала сироп, — согласился он. И, помолчав, добавил: — Алина. Ты молодец.

Я подняла голову и посмотрела на него. Мандрагора смотрела на меня без всякого презрения. Почти с нежностью.

— Спасибо, Мандя.

— Не за что, — фыркнул он и отвернулся. — Иди уже. Мёд добавь, когда остынет. И ложку возьми деревянную, металл искру гасит.

***

Сироп я отнесла Гретте в маленьком глиняном горшочке. Он всё ещё чуть-чуть светился, если присмотреться. Гретта посмотрела на свечение, потом на меня. Потом снова на свечение.

— Это же… — сказала она.

— Подарок, — сказала я. — По ложке три раза в день. И если ночью станет хуже — холодный воздух.

Гретта долго молчала. Потом обняла меня. Крепко, так, что у меня хрустнули рёбра, и пахло от неё хлебом, корицей и теплом.

— Марта бы гордилась, — сказала она мне в макушку.

Я ничего не ответила. Потому что Марта гордилась бы Линой. А Лины больше нет.

Но, может быть… может быть, она гордилась бы и мной.

Вечером, уже в кровати, укрывшись пахнущим мышами одеялом, я достала из кармана фартука два листа. Один — от лорда, с правилами экзамена и припиской про дыру. Второй — бабушкин конверт с зелёной печатью.

Я положила их рядом на подушку.

«Надо показать К.»

«Крыша. Над чердачной лестницей — четвёртая дыра. К.»

Почерк разный. Буква одна.

— Мандя, — сказала я в темноту. — А бабушка была знакома с лордом дэ Арвишем?

Из темноты долго не отвечали. Я уже думала, что Мандя уснул. Мандрагоры вообще спят?

— Была, — сказал он наконец. — Он к ней приходил. Иногда. По ночам.

Я села в кровати.

— Что?!

— Не в том смысле! — возмутился Мандя. — Бестолочь! Ему восемьдесят с лишним лет, а бабушке было шестьдесят пять. Он приходил за зельями. Каждый месяц. Тайно. И она никому не говорила, за какими.

— А ты знаешь?

— Нет, — сказал Мандя. — Она меня в подвал уносила, когда он приходил. Говорила: «Это не твоё дело, Мандрагор». А потом она умерла. И он больше не приходил. Только печать повесил.

Я легла обратно. Смотрела в потолок, где в дыре над моей головой медленно проплывали облака, подсвеченные луной.

Ему восемьдесят с лишним лет. А выглядит на тридцать. Драконы, видимо, хорошо сохраняются.

И каждый месяц он тайно приходил к травнице за зельями. А потом травница умерла, и зелий у него больше нет.

Интересно, как он без них справляется?

Где-то далеко над городом, над шпилями замка, медленно кружил серебристый силуэт. Я видела его в дыру в крыше — маленькую ледяную искорку на фоне луны.

Он не спал.

Почему-то я была уверена: он вообще давно не спит.

Глава 4. Платят натурой

Утром меня разбудил стук в дверь.

Не вежливый стук гостя. Не требовательный стук стражи. А дробный, нетерпеливый, как будто в дверь колотили сразу несколько кулаков разного размера.

— Ли-и-ина! — орал кто-то снаружи голосом Гретты. — Лина Вейр, открывай!

Я скатилась с кровати, запуталась в одеяле, чуть не свернула себе шею на лестнице — хорошо хоть на жилой, а не на чердачной — и, как была, в ночной рубашке, с торчащими во все стороны пепельными волосами, распахнула дверь лавки.

На пороге стояла Гретта. А за ней — половина Кривой улицы.

— Он спал! — заявила Гретта и сгребла меня в объятия так, что я пискнула. — Всю ночь спал! Один раз закашлялся под утро, я его на крыльцо вынесла, как ты сказала, — и всё! Как рукой сняло! А сейчас сидит и требует третью булку!

— Это… хорошо, — прохрипела я ей в плечо. — Тётушка Гретта, я сейчас задохнусь.

Она меня отпустила. Я оглядела толпу.

Сапожник Ганс с распухшим пальцем, замотанным в тряпку. Старушка в чепце, держащаяся за поясницу. Молодая женщина с младенцем, который орал так, что закладывало уши. Тощий подмастерье, весь в красных пятнах. Му-

жик с перевязанной щекой. И ещё человек шесть за ними.

— Гретта всем рассказала, — пояснила старушка в чепце. — Что внучка Марты Вейр снова лечит.

— Я не лечу, — сказала я. — Я не могу. У меня нет лицензии. Если я продам хоть одно зелье, меня вышлют из города.

Толпа загудела. Разочарованно.

— А советы? — спросил сапожник Ганс, баюкая палец. — Советы ты можешь давать? Гретта сказала, ты ей совет дала.

Я посмотрела на его палец. Опухший, красный, с отёком до второй фаланги. Панариций. Начинающийся, но уже нехороший. Ещё пара дней — и придётся вскрывать.

— Советы могу, — медленно сказала я. — Бесплатно.

***

К полудню я дала двадцать три совета.

Сапожнику Гансу — делать горячие солевые ванночки для пальца трижды в день и, если завтра не станет лучше, бежать к хирургу. Или кто тут у них вскрывает нарывы. Старушке в чепце — как правильно греть поясницу и почему не надо поднимать тяжёлое, даже если «всю жизнь поднимала». Молодой маме — что у младенца, скорее всего, колики, и как его держать, чтобы газики отходили. Младенец, кстати, перестал орать прямо у меня на руках, и молодая мама посмотрела на меня как на святую. Подмастерью с пятнами — что это аллергия, и не на проклятие соседки, как он думал, а на новую краску в мастерской. Мужику с флюсом — что ему срочно к зубодёру, и никакие заговоры не помогут.

— Зубодёр — это больно, — заныл мужик.

— Абсцесс челюсти — больнее, — сказала я. — И смертельно. Идите.

Он ушёл. Посмотрел на меня через плечо с таким ужасом, что я поняла: пойдёт.

А люди всё шли. Слух расползался по Кривой улице, потом по соседним. Кто-то приходил с болячками. Кто-то с вопросами про детей, про стариков, про больную корову. Про корову я честно сказала, что не знаю. Ветеринарию нам не преподавали.

И почти никто не уходил с пустыми руками. Точнее, почти никто не оставлял меня с пустыми руками.

Мне никто не платил. Нет, ни в коем случае. Мне дарили.

Сапожник Ганс подарил пару крепких ботинок, совсем новых, как раз по Лининой ноге. Старушка в чепце — банку малинового варенья и вязаные шерстяные носки. Молодая мама — корзинку яиц. Подмастерье — обещал прийти и покрасить ставни. Мужик с флюсом — ничего не подарил, но его жена потом прибежала и сунула мне кусок копчёного окорока, потому что «он пошёл! к зубодёру! сам! первый раз в жизни!».

К полудню на прилавке выросла гора. Хлеб, яйца, сыр, варенье, окорок, мешочек муки, вязанка дров, два кочана капусты, глиняная миска, моток шерсти и почему-то живая курица. Курица сидела в корзине и смотрела на Мандю с явным гастрономическим интересом.

— Убери её, — сдавленно сказал Мандя. — Убери её от меня немедленно.

— Она тебя не съест. Ты ядовитый.

— Она этого не знает!

Я переставила курицу на пол. Курица возмущённо кудахтнула и ушла исследовать лавку.

— Это незаконно, — сказал Мандя, глядя на гору подарков. — Это же оплата. Ты берёшь плату за лечение.

— Я не лечу. Я даю советы. Бесплатно. А люди мне делают подарки. Тоже бесплатно. Это две разные, никак не связанные между собой транзакции.

— Транзакции? — переспросил Мандя.

— Сделки. Неважно. Главное, никакого зелья я не продаю.

— Ты бестолочь, — сказал Мандя. — Но хитрая бестолочь. Бабушка бы оценила.

***

После обеда — а обед у меня впервые в этом мире был нормальный: яичница с окороком, хлеб с сыром и чай с малиновым вареньем — я села за бабушкины тетради.

Экзамен через четыре дня. Теперь уже через четыре.

Я открыла лист с правилами, который оставил лорд дэ Арвиш. Экзамен состоял из двух частей. Теоретическая: знание трав, их свойств, сочетаний и противопоказаний. Практическая: приготовить зелье по заданию экзаменаторов в их присутствии.

Теорию я, в общем, не боялась. Травы — они и в другом мире травы. Названия другие, вид чуть другой, но принцип тот же: в растениях есть действующие вещества, у веществ есть эффект, у эффекта есть доза, при которой он лечит, и доза, при которой он убивает. Это фармакология. Это я знаю.

А вот практика… Практика — это искра. А искра у меня, по словам Мани, «есть, но слабая».

— Мандя, — сказала я. — Мне нужно научиться. Нормально. Не за один раз на нервах, а чтобы получалось всегда. Ты можешь меня научить?

Мандя посмотрел на меня из горшка.

— Я? Я мандрагора. У меня искры нет.

— Но ты тридцать лет смотрел, как это делает бабушка. Ты видел больше зелий, чем любой выпускник Гильдии. Ты знаешь, как это работает. Научи.

Мандя молчал. Листья у него на макушке как-то странно задрожали. Мне показалось, что он… смутился?

— Меня никто никогда не просил научить, — сказал он тихо. — Меня обычно просят замолчать.

— А я прошу научить.

Он долго смотрел на меня. Потом расправил листья.

— Ладно, — сказал он. — Но учти. Я строгий.

— Я заметила.

— Ты будешь делать, что я скажу. И не спорить.

— Буду спорить, если ты скажешь глупость.

— Я не говорю глупостей! Я потомственная мандрагора!

— Тогда и спорить не придётся, — пожала плечами я.

Мандя фыркнул. Но я видела: доволен.

***

Мы занимались до вечера.

Оказалось, Лина искру не то чтобы не умела класть. Она не умела её дозировать. Искру нельзя давать «сколько получится». Для каждого зелья своя мера: для детского сиропа — капля, для эликсира бодрости — ложка, для мази от ожогов — ровный долгий поток, пока мазь не затвердеет. Перелить — и зелье станет слишком сильным, вредным. Недолить — не подействует.

— Как лекарство, — сказала я. — Доза имеет значение. Всё яд, и всё лекарство, вопрос только в дозировке.

— Кто это сказал? — заинтересовался Мандя.

— Один очень умный человек в моём мире. Парацельс. Он был… алхимиком. Почти зельевар.

— Умный человек, — одобрил Мандя. — Бабушка говорила так же.

Я училась чувствовать искру. Где она появляется. Как она течёт по руке. Как её притормозить, как ускорить, как оборвать. Мы варили простые зелья — отвар от изжоги, настой для сна, мазь от синяков, — и я по Маниной команде то добавляла искру, то останавливалась.

Получалось не всегда. Раз пять у меня вообще ничего не вышло. Раз два я перелила, и зелье вскипело и выплеснулось

на прилавок, оставив прожжённые пятна. Один раз курица, проходя мимо, клюнула свежую мазь от синяков и потом ходила по лавке, светясь зелёным. Мандя сказал, что это пройдёт к утру.

Но к вечеру я уже чувствовала. Знала, где искра. Знала, как её держать.

— Неплохо, — сказал Мандя, глядя на последний котелок, где ровно, спокойно, мягким голубым светом мерцал отвар для сна. — Для первого дня — неплохо. Бабушке на это год понадобился.

— Правда?

— Нет, — сказал Мандя. — Бабушке понадобилась неделя. Но она начинала в шесть лет, а ты в двадцать девять. Так что для старухи — неплохо.

— Мне девятнадцать, — возмутилась я.

— Телу — девятнадцать. А ворчишь ты как старуха.

Я кинула в него сушёным листиком мяты. Он увернулся. Насколько вообще может увернуться корень в горшке.

***

Вечером, когда я убирала со стола и мыла котелки, в дверь снова постучали.

На этот раз — коротко, один раз. Уверенно.

Я открыла.

На пороге стоял молодой мужчина в форме городской стражи. Рыжий, веснушчатый, с открытым круглым лицом и добродушными карими глазами. Невысокий, крепко сби-

тый. Нашивки на рукаве — какое-то звание, я не разобрала.

— Лина Вейр? — спросил он и улыбнулся. Улыбка у него была широкая, искренняя. Совсем не как у его начальника. — Капитан Брен, городская стража. Я по поручению лорда дэ Арвиша.

Я замерла. Ну вот. Узнал к вечеру. Как и обещал.

— Я ничего не продавала, — сказала я сразу. — Честное слово. Советы. Только советы. Бесплатно.

— Знаю, — сказал капитан Брен. — Мы следили.

— Следили?

— Ну… присматривали. — Он смущённо почесал затылок. — Милорд велел. Я весь день сидел у Гретты в булочной. Отличные у неё булки, кстати. С корицей особенно.

— И что вы доложите?

— Что вы весь день давали советы, — сказал Брен. — Бесплатно. И что горожане делали вам подарки. Тоже бесплатно. И что это, строго говоря, закон не нарушает. Хотя и ходит по самому краю.

Я выдохнула.

— А зачем тогда вы пришли?

Брен полез за пазуху мундира и достал свёрток. Протянул мне.

— Милорд велел передать.

Я развернула. Внутри была книга. Толстая, в тёмно-зелёном переплёте, с потёртыми углами. «Травник Ривенхолла и окрестностей. Полное описание растений, их свойств и при-

менения. Издание Гильдии зельеваров». Между страницами торчали закладки. Много закладок. Я открыла на первой — «Медвежье ухо». На второй — «Сладкий корень». На третьей — «Огнецвет».

— Это то, что спрашивают на экзамене, — пояснил Брен. — Милорд отметил.

Я смотрела на книгу и не знала, что сказать.

— Почему? — спросила я наконец.

Брен пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он честно. — Он мне не объясняет. Он вообще мало объясняет. Сказал: «Отнеси ей. И скажи, что крыша над лестницей всё ещё течёт».

Я фыркнула. Не удержалась.

— Передайте милорду спасибо. И скажите, что я в курсе насчёт крыши.

— Передам, — улыбнулся Брен. И помедлил, будто хотел что-то добавить.

— Что-то ещё?

— Да нет… — он снова почесал затылок. — Просто. Ваша бабушка лечила мою маму. И меня, когда я маленький был. Хорошая была женщина. Если вам что-то нужно — ну, дров принести или ещё что — вы скажите. Я помогу. Неофициально.

— Спасибо, капитан.

— Просто Брен.

Он козырнул и ушёл. А я стояла на пороге с книгой в ру-

ках и смотрела, как он идёт по Кривой улице, насвистывая.

— Он к тебе подкатывает, — заявил Мандя.

— Он просто вежливый.

— Подкатывает. Я знаю. Я тридцать лет на прилавке стою, я видел, как подкатывают.

— Мандя.

— А дракон к тебе тоже подкатывает. Но по-драконьи. Книжку прислал. С закладочками.

— Мандя!

— Молчу, молчу, — сказал он. И тут же добавил: — Но рыжий хотя бы тёплый.

Я закрыла дверь и задвинула засов.

На прилавке лежала гора подарков. На полу дремала курица, всё ещё слегка светясь зелёным. В котелке мерцал голубым отвар для сна. А у меня в руках была книга с закладками, расставленными ровным, резким, очень официальным почерком.

Четыре дня до экзамена. И ни одного медяка на взнос.

Я села за прилавок, открыла книгу на первой закладке и начала читать.

Глава 5. Гильдия

Гильдия зельеваров Ривенхолла располагалась в Верхнем городе. И это было слышно по запаху.

Кривая улица пахла хлебом, дымом и мокрым камнем. Улица Ремёсел, через которую я шла, — кожей, железом и конским навозом. А Верхний город пах деньгами. Духами, воском, свежей краской, цветами из клумб, которые поливали явно не дождём, а специально обученные садовники.

Мостовая здесь была ровная, без выбоин. Дома — каменные, трёхэтажные, с лепниной и коваными балконами. Люди — в бархате, шёлке и мехах, несмотря на то что осень только начиналась. На меня, в бабушкином штопаном платье и новых ботинках от сапожника Ганса, оглядывались. Кто с любопытством, кто с брезгливостью.

Я держала спину прямо. В конце концов, я провизор. С высшим образованием. Они тут все, может, и в шелках, но вряд ли кто-то из них знает формулу ацетилсалициловой кислоты.

Здание Гильдии оказалось огромным. Белый камень, колонны, широкая лестница, бронзовые двери высотой в два человеческих роста. Над дверями — герб: перегонный куб, увитый змеёй. Я усмехнулась. Чаша со змеёй — символ аптек и в моём мире. Некоторые вещи, видимо, универсальны.

Внутри был мраморный холл, высокие окна, витражи, за-

пах благовоний и травяных эссенций. Люди в длинных мантиях — тёмно-зелёных, с золотой вышивкой — сновали туда-сюда с пергаментами и флаконами. У дальней стены, за длинной стойкой, сидел клерк. Тощий, лысоватый, с моноклем.

Я подошла к стойке.

— Добрый день. Я хочу записаться на экзамен на лицензию зельевара.

Клерк поднял на меня глаза. Медленно, через монокль, оглядел снизу вверх. Ботинки. Платье. Фартук, который я забыла снять. Волосы, которые я собрала в узел, но несколько прядей всё равно выбились.

— Имя, — сказал он скучающим голосом.

— Лина Вейр.

Перо замерло над пергаментом.

— Вейр? — переспросил клерк. — Внучка Марты Вейр?

— Да.

Клерк отложил перо. Поправил монокль. И на лице у него появилось выражение, которое я бы назвала «предвкушение». Как у человека, который сейчас увидит что-то очень интересное.

— Одну минуту, — сказал он. — Я позову магистра.

— Зачем магистра? Мне просто записаться.

Но он уже ушёл, быстро-быстро перебирая тощими ногами.

***

Магистр явился минут через десять. За это время я успела изучить витражи — на них были изображены сцены из истории Гильдии: первый зельевар варит первое зелье, зельевары спасают город от чумы, зельевары получают королевскую хартию, — и пересчитать колонны. Двенадцать.

— Лина Вейр! — раздался за спиной бархатный голос. — Какая честь. Какая неожиданная честь.

Я обернулась.

Мужчине было лет пятьдесят. Невысокий, полноватый, в мантии не тёмно-зелёной, как у остальных, а изумрудной, с золотым шитьём на груди и рукавах. Холёное лицо, аккуратная седеющая бородка, гладко зачёсанные назад волосы. На каждом пальце — по перстню, некоторые — с камнями размером с перепелиное яйцо. Пахло от него дорогими духами — сандал, мускус и что-то сладкое.

Он улыбался. Широко, тепло, радушно. Только глаза не улыбались. Глаза были светло-карие, почти жёлтые, внимательные и холодные. Как у змеи на гербе над дверью.

— Магистр Орвин Сполл, — представился он и протянул мне руку. Ладонью вниз. Для поцелуя.

Я пожала её. Крепко, по-деловому, как пожимают руку представителю фармкомпании. Улыбка магистра на мгновение застыла. Потом стала ещё шире.

— Глава Гильдии зельеваров Ривенхолла, — добавил он. — Я был… коллегой вашей бабушки. Примите мои соболезнования. Великая была женщина. Великая.

— Спасибо, — сказала я.

— Мне доложили, что вы хотите сдавать экзамен?

— Да. Через четыре дня.

Магистр Сполл покачал головой, сочувственно цокнув языком.

— Дитя моё, — сказал он мягко. — Вы уверены? Экзамен — дело непростое. Его заваливают даже выпускники нашей школы, которые учились по пять лет. А вы… Простите, но все знают, что Марта так и не сумела вас толком обучить. Вы не обладаете достаточной искрой.

— Это мы посмотрим на экзамене.

— Конечно, конечно, — закивал он. — Это ваше право. Но позвольте мне предложить вам… альтернативу.

— Какую?

Магистр взял меня под локоть и мягко, но настойчиво отвёл в сторону, к окну. Подальше от стойки клерка, который, впрочем, всё равно вытянул шею и смотрел в нашу сторону.

— Лавка вашей бабушки, — сказал Сполл негромко. — Она ведь в долгах, не так ли? Триста сорок золотых. Огромная сумма для молодой девушки. Огромная.

— Я в курсе.

— Город её всё равно отберёт. Через неделю. А вас выселят. И куда вы пойдёте? Одна, без денег, без ремесла?

— У вас есть предложение, — сказала я. Не спросила.

Сполл улыбнулся. Тепло-тепло.

— Гильдия готова выкупить у вас лавку. Прямо сейчас.

Мы погасим все ваши долги перед городом. И сверх того дадим вам пятьдесят золотых. Это очень щедро, дитя моё. Очень щедро. На пятьдесят золотых вы сможете уехать куда угодно, снять комнату, найти себе приличное занятие. Может быть, выйти замуж.

Я смотрела на него. Внимательно. Так, как смотрела на покупателей, которые просили «что-нибудь посильнее, без рецепта, для друга».

Лавка на Кривой улице. Старый дом с дырявой крышей в бедном квартале. Зачем она Гильдии? У Гильдии — мраморный дворец с витражами в Верхнем городе. Ей не нужна развалюха на окраине.

Если только дело не в самой лавке.

— Нет, — сказала я.

Улыбка Сполла не дрогнула. Только глаза стали ещё холоднее.

— Подумайте, дитя моё. Не торопитесь.

— Я подумала. Нет. Я буду сдавать экзамен.

— Что ж, — вздохнул магистр. — Как угодно. Взнос — десять золотых. Его нужно внести до начала экзамена. Без взноса к экзамену не допускаются. Таковы правила.

— Я внесу.

— Конечно, внесёте, — улыбнулся Сполл. — Конечно.

И я по его улыбке поняла: он точно знает, что у меня нет ни медяка. Ну, три медяка и пуговица.

***

Я уже собиралась уходить, когда бронзовые двери Гильдии распахнулись, и в холле стало холодно.

Мраморный пол покрылся тонкой корочкой инея. От самого порога до середины зала. Зельевары в мантиях замерли. Клерк уронил монокль.

Лорд Кайрен дэ Арвиш вошёл в Гильдию так, будто это было его собственное здание. Плащ, мундир, серебро волос, лёд глаз. За ним — двое стражников и капитан Брен, который, увидев меня, расплылся в улыбке и тут же, поймав взгляд начальника, стёр её с лица.

— Милорд! — Сполл поспешил навстречу, раскинув руки и сияя всеми своими перстнями. — Какая честь! Какая неожиданная честь!

Похоже, это у него стандартная фраза.

— Магистр, — сухо кивнул лорд. — Плановая проверка складов. Как договаривались.

— Конечно, конечно, всё готово, мои помощники вас проводят…

Взгляд лорда скользнул через плечо магистра и остановился на мне.

Я стояла у окна в штопаном платье с фартуком, и солнечный свет из витража раскрашивал меня в синий, зелёный и красный. Наверное, я выглядела довольно глупо.

— Лина Вейр, — сказал лорд.

— Милорд, — сказала я.

Сполл обернулся. Посмотрел на меня. Посмотрел на лор-

да. И в его жёлтых глазах что-то мелькнуло. Расчёт.

— Юная Вейр пришла записаться на экзамен, — сообщил он. — Я как раз объяснял ей правила. Взнос, сроки, всё такое.

— Взнос, — повторил лорд и посмотрел на меня. — Вы его нашли?

— Найду, — сказала я.

— За четыре дня.

— За три с половиной, — поправила я. — Сегодняшний уже наполовину прошёл.

Опять. Опять эта трещинка в уголке губ. Едва заметная.

— Капитан Брен, — сказал лорд, не оборачиваясь. — Проводите леди Вейр до выхода из Верхнего города. Здесь… бывают неприятные люди.

Взгляд, который он при этом бросил на Сполла, мог бы заморозить небольшое озеро.

— Я сама дойду, — сказала я.

— Не сомневаюсь, — сказал лорд. — Брен вас проводит.

И отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

***

До ворот Верхнего города Брен болтал без умолку. О погоде. О булках Гретты. О том, что у его мамы опять болят колени. О том, что в страже новый набор и новобранцы все бестолковые. О том, что милорд в последнее время совсем не спит.

Последнее я поймала и вцепилась.

— Не спит?

— Ну… — Брен смутился, поняв, что сболтнул лишнее. — Говорят. Я не знаю точно. Но он каждую ночь летает над городом. Каждую. Раньше так не было. Раньше он раз в неделю облетал, ну, по долгу службы. А последние полгода — каждую ночь. И днём на службе. И когда спит — непонятно.

Последние полгода. С тех пор как умерла бабушка.

— А он… — я подбирала слова. — Он как себя чувствует? Ну, внешне? Ничего странного не замечали?

Брен посмотрел на меня с подозрением.

— Вы почему спрашиваете?

— Профессиональный интерес, — честно сказала я. — Я заметила, когда он передавал мне бумагу. Пальцы холодные, как лёд. И руки… руки у него дрожат. Чуть-чуть. Если не присматриваться, не видно.

Брен остановился посреди улицы.

— Дрожат, — сказал он тихо. — Да. Я думал, мне кажется. И ещё… он злой стал. Ну, он и раньше был не подарок, но последние месяцы — совсем. Раздражается по пустякам. Один раз стол в кабинете заморозил. Весь. Вместе с бумагами. Потом извинялся. Милорд — извинялся! Перед писарем!

Бессонница. Тремор. Раздражительность. Резкие вспышки. Полгода. С тех пор как перестал получать зелья у травницы.

Я знаю эту картину. Каждый провизор её знает. Это не

просто стресс.

Это синдром отмены.

— Брен, — сказала я. — А вы не знаете, что за зелья ему давала моя бабушка?

Брен побледнел. Веснушки на его лице проступили ярче.

— Леди Вейр, — сказал он очень тихо. — Я не знаю. И никто не знает. И лучше вам у милорда этого не спрашивать. Правда. Лучше не надо.

— Почему?

— Потому что… — Брен огляделся по сторонам, будто нас могли подслушать. — Потому что он дракон. А с драконами есть вещи, о которых не говорят.

Мы дошли до ворот. Брен козырнул, пожелал удачи и ушёл обратно, то и дело оглядываясь.

А я стояла и смотрела вверх, на шпили замка над городом. И думала.

Бабушка что-то давала ему. Каждый месяц. Тайно. Что-то, без чего у него теперь дрожат руки, он не спит и замораживает столы.

Что это было? Лекарство? Или…

Я не успела додумать.

Где-то в Нижнем городе зазвонил колокол. Тревожно, часто, надрывно. Люди на улице остановились, запрокинули головы.

— Набат у казарм, — сказала какая-то женщина рядом. — Опять кого-то отравили.

— Опять? — переспросила я.

Женщина посмотрела на меня как на дурочку.

— Ну да. Третий раз за месяц. Зелья с нижнего рынка. Покупают по дешёвке у разносчиков, а потом мрут. Стража ловит-ловит, а толку никакого.

Флакон с синей пробкой. Мальчишка-разносчик. Нижний рынок.

«Надо показать К.»

Я подобрала юбку и побежала. На звук набата.

Глава 6. Ночная тень

Казармы городской стражи стояли на границе Нижнего города и Ремесленного квартала. Серое приземистое здание с узкими окнами, плац, конюшня, колокольня. Колокол всё ещё звонил, когда я, задыхаясь, влетела во двор.

У входа толпились стражники. Молодые, перепуганные, без шлемов. Кто-то крестился — или делал тот самый местный жест. Кто-то просто стоял и смотрел в открытую дверь.

— Что случилось? — выдохнула я, хватая ближайшего за рукав.

— Пип, — ответил он, бледный как полотно. — Новобранец. Вчера на нижнем рынке купил зелье. От бессонницы. Сказал, по ночам заснуть не может, нервничает перед присягой. А сегодня с утра… Его там лекарь смотрит. Из Гильдии.

Я протолкалась внутрь.

В длинной казарменной комнате с рядами коек на одной из них метался парень. Совсем мальчишка — лет семнадцать, тощий, лопоухий. Его держали двое стражников за руки, а он вырывался, бормотал что-то бессвязное, тянулся к стене, хватал пальцами воздух, будто ловил невидимых бабочек.

Лицо у него было красное. Не румяное — красное, как свёкла. Кожа сухая, горячая даже на вид. Губы потрескались. А глаза…

Я подошла ближе и посмотрела ему в глаза.

Зрачки были огромные. Во всю радужку. Чёрные провалы, в которых не было ни капли смысла.

— Отойдите, девица, — раздражённо сказал мужчина в тёмно-зелёной мантии Гильдии. Он стоял у изголовья койки и рылся в кожаной сумке. — Тут вам не балаган.

— Что вы собираетесь ему дать? — спросила я.

Лекарь посмотрел на меня как на назойливую муху.

— Рвотный корень, чтобы очистить желудок. А потом маковое молоко, чтобы успокоить. Он буйный, вы же видите.

Маковое молоко. Опиат. Угнетает дыхание. В сочетании с тем, что у мальчишки в крови сейчас…

— Нет, — сказала я. — Не надо.

— Что?!

— Не давайте ему маковое молоко. Он умрёт.

В казарме стало тихо. Даже Пип перестал бормотать и уставился в потолок своими пустыми чёрными глазами.

Лекарь выпрямился во весь рост. Он был невысокий, но надулся так, что казался вдвое больше.

— Девица, — сказал он ледяным тоном. — Я — дипломированный лекарь Гильдии зельеваров. С двадцатилетним стажем. А вы кто такая?

— Провизор, — машинально сказала я. И тут же поправилась: — Лина Вейр. Внучка Марты Вейр.

По казарме прошёл шёпоток. Лекарь скривился.

— Внучка травницы без лицензии. Убирайтесь, пока я не

велел вас вывести.

— Послушайте меня, — я старалась говорить спокойно, но голос предательски дрожал. — Посмотрите на него. Расширенные зрачки, которые не реагируют на свет. Красная сухая кожа. Жар, но он не потеет. Сердце колотится. Бред, галлюцинации — видите, он что-то ловит в воздухе? И, держу пари, он с утра не мочился. Да?

Последнее я спросила у стражника, который держал Пипа за руку. Тот растерянно кивнул.

— Это отравление ночной тенью, — сказала я. — Или чем-то похожим. Растение с тропановыми алкалоидами. Белладонна. Дурман. Белена. Не знаю, как у вас называется. Оно блокирует… — я поняла, что сейчас начну говорить про ацетилхолиновые рецепторы, и осеклась. — Оно отключает в теле то, что отвечает за покой. За пот, за слюну, за сон, за сужение зрачков. И сердце разгоняется, и жар растёт, а остыть тело не может. Если дать ему маковое молоко, он уснёт и перестанет дышать.

Лекарь смотрел на меня. Губы у него побелели от злости.

— Чушь, — процедил он. — Бабкины сказки. Стража, выведите её.

Никто не шевельнулся.

— Я сказал, выведите!

— Не надо её выводить, — раздался от двери холодный голос.

Стало морозно. Иней пополз по полу от порога, серебря-

ными узорами поднялся по ножкам коек.

Лорд дэ Арвиш стоял в дверях казармы. Должно быть, прилетел прямо из Гильдии — на плечах у него поблёскивали капли растаявшей мороси. Ледяные глаза смотрели не на лекаря и не на Пипа. На меня.

— Вы уверены? — спросил он.

Один вопрос. Без «леди Вейр», без «дитя моё», без снисхождения. Как спрашивают у специалиста.

Я сглотнула.

— Да. Уверена.

— Что ему нужно?

— Противоядие. Есть вещество, которое действует наоборот. Возвращает то, что ночная тень отключила. В моём… В бабушкиных тетрадях есть рецепт. Семена серой чечевицы. Они у бабушки в лавке, я видела вчера на инвентаризации. Нужно сварить отвар, добавить искру и давать маленькими дозами, следить за пульсом. И охладить его. Срочно. Мокрые простыни, холод, лёд — что угодно. Иначе у него от жара сварится мозг.

— Сколько у него времени?

Я посмотрела на Пипа. На красное лицо, на сухие губы, на то, как быстро и мелко поднимается его грудь.

— Не знаю. Часа два. Может, меньше.

— А до вашей лавки бежать — час, — сказал лорд. — Туда и обратно — два.

— Я быстро…

— Нет, — сказал он.

И протянул мне руку.

***

Я никогда в жизни не летала на драконе.

Ну, это понятно. В моём мире драконов не было, а в этом я провела всего три дня. Но даже если бы мне кто-нибудь заранее рассказал, как это будет, — я бы не поверила.

Он обернулся прямо на плацу. Я не успела понять как: вот только что передо мной стоял высокий мужчина в мундире, а через мгновение — вихрь холода, снежная пыль в лицо, и вот уже на плацу, занимая его почти целиком, лежит огромный серебристо-белый зверь. Чешуя переливается голубым, гребень вдоль хребта, крылья сложены, как парус. От него веет морозом, как от ледника. Стражники шарахнулись к стенам.

А потом огромная голова опустилась передо мной на землю. Ледяной глаз с вертикальным зрачком — размером с меня целиком — посмотрел мне прямо в лицо.

— Садитесь, — сказал голос.

Он звучал не снаружи. Внутри. Прямо у меня в голове, низкий и холодный, со знакомыми интонациями.

— Куда? — пискнула я.

— На шею. Между гребнями. Держитесь за передний.

— А если я упаду?

— Не упадёте, — сказал голос. — Я не позволю.

И почему-то я поверила.

Я вскарабкалась по подставленному крылу, как по трапу.

Чешуя под ладонями была гладкая и холодная, как стекло на морозе. Пальцы сразу онемели. Я уселась между двумя костяными выступами гребня, обхватила передний руками и ногами — к чёрту приличия, юбка задралась до колен — и зажмурилась.

— Готовы?

— Нет!

— Хорошо, — сказал дракон. И взлетел.

Желудок у меня остался на плацу. Ветер ударил в лицо, выбил из глаз слёзы, растрепал волосы. Холод пробирал до костей. Я вцепилась в гребень так, что, наверное, оставила на нём следы ногтей, и не открывала глаз, пока голос в голове не сказал:

— Посмотрите вниз.

Я посмотрела.

Под нами лежал Ривенхолл. Весь. Крыши — красные, серые, коричневые, — лабиринт улиц, площади, рынки, шпили храмов. Река блестела серебряной лентой. Белый мраморный квартал Верхнего города, тёмный муравейник Нижнего. Дымки из труб. Крохотные фигурки людей, задирающих головы.

— Красиво, — выдохнула я.

— Да, — сказал дракон. — Я каждую ночь на это смотрю. Каждую ночь. Потому что не может уснуть.

Я не успела ничего сказать. Мы уже снижались.

***

Он приземлился прямо на Кривой улице, сломав ограду у колодца. Кумушки с вёдрами с визгом разбежались. Гретта выскочила из булочной со скалкой наперевес, увидела меня на шее дракона и выронила скалку.

Я скатилась вниз по крылу, влетела в лавку, чуть не наступив на курицу.

— Мандя! Серая чечевица! Где?!

— Нижняя полка, синий горшок, — мгновенно отозвался он, не задавая вопросов. Потом увидел в окне огромный серебристый бок, заслонивший улицу, и сдавленно пискнул: — Это что, он?! Он здесь?!

— Некогда! Котелок, воду, огонь!

Я варила отвар так быстро, как никогда в жизни ничего не варила. Пальцы дрожали. Мандя командовал из горшка: «Меньше огня! Помешивай! Не так, по часовой!» Отвар закипел, загустел, стал мутно-серым.

Искра.

Я подняла руку над котелком. Думала о Пипе. Лопоухом мальчишке, который нервничал перед присягой и не мог уснуть. Который купил на рынке дешёвое зелье, потому что на нормальное у него не было денег. Который сейчас лежит в казарме с огромными чёрными зрачками и ловит в воздухе несуществующих бабочек.

Ему нужно, чтобы сердце замедлилось. Чтобы зрачки сузились. Чтобы тело снова научилось потеть и остывать. Ему нужно вернуться.

Тепло пришло сразу. Без страха, без сомнений. Хлынуло по руке потоком — сильнее, чем вчера, гораздо сильнее. Отвар вспыхнул ровным серебристо-зелёным светом.

— Хватит! — крикнул Мандя. — Хватит, перельёшь!

Я оборвала искру. Покачнулась, вцепилась в прилавок. Перед глазами плыло.

— Флакон, — сказала я. — Мандя, флакон.

***

Обратно я летела, прижимая флакон к груди обеими руками и держась за гребень коленями. Мне было уже не страшно. Мне было некогда бояться.

В казарме всё стало хуже. Пип больше не метался. Лежал, хрипя, весь красный, с закатившимися глазами. Лекарь Гильдии стоял в углу с видом оскорблённой добродетели и демонстративно ничего не делал.

— Холодные простыни! — скомандовала я. — Мочите в воде и на него! Окна открыть!

Стражники бросились выполнять. Я села на край койки, приподняла Пипу голову и влила в рот первую порцию отвара. Маленькую. Чайную ложку.

— Теперь ждём.

— Сколько? — спросил лорд. Он снова был в человеческом облике и стоял рядом.

— Несколько минут. Я считаю пульс. Если не станет медленнее — даю вторую дозу. Перелить нельзя: если дать слишком много, будет обратное отравление. Это вопрос до-

зировки.

Я держала пальцы на запястье Пипа и считала. Пульс был бешеный. Сто шестьдесят, не меньше. Кожа под пальцами горела.

— Он слишком горячий, — пробормотала я. — Простыни не помогают, они нагреваются за минуту. Нужно больше холода.

И тут что-то изменилось.

Воздух в казарме стал холодным. Не зябким — ледяным. Изо рта пошёл пар. На мокрых простынях, укрывающих Пипа, проступили серебристые узоры инея. Лорд дэ Арвиш стоял рядом, положив ладонь на лоб мальчишке, и от его руки по коже Пипа расходилась морозная волна.

— Так? — спросил он тихо.

— Так, — сказала я. — Только не заморозьте его.

— Я контролирую.

Я посмотрела на него. На лице у него не было никакого выражения. Только между бровями залегла морщинка — как у меня, от разбора врачебных почерков. От сосредоточенности.

И рука, лежащая на лбу Пипа, чуть-чуть дрожала.

Через пять минут пульс упал до ста сорока. Я дала вторую дозу. Через десять минут — до ста двадцати. Кожа стала чуть менее красной. Через пятнадцать Пип вдруг глубоко вздохнул, моргнул — и его зрачки, медленно-медленно, начали сужаться.

Через полчаса он вспотел. Через сорок минут открыл глаза и вполне осмысленно спросил:

— А чего все на меня смотрят?

Казарма взорвалась криками. Стражники обнимались, хлопали друг друга по спинам, кто-то даже прослезился. Лекарь Гильдии тихо, бочком, выскользнул за дверь.

А я сидела на краю койки и не могла встать. Руки тряслись. В груди было пусто и звонко — как в бабушкиной лавке до инвентаризации.

— Вы бледная, — сказал лорд.

— Искра, — объяснила я. — Много отдала. Пройдёт. Мне нужен сладкий чай и кровать.

Он помолчал. Потом достал из кармана мундира флакон, который один из стражников нашёл у Пипа под подушкой. Маленький, тёмного стекла. С синей пробкой.

— Вы знаете, что это? — спросил он.

— Знаю, — сказала я. — Бабушка тоже знала. Она двенадцать лет записывала такие случаи. Нижний рынок, разносчики, флаконы с синими пробками. И в последней записи написала: «Надо показать К.»

Лорд дэ Арвиш замер. Совсем. Даже иней на полу перестал расти.

— Она не успела, — сказал он очень тихо. — Она умерла за день до того, как мы должны были встретиться.

Я подняла на него глаза.

— Как она умерла?

— Сердце, — сказал он. — Так сказал лекарь. Из Гильдии.

Мы смотрели друг на друга, и, кажется, оба думали об одном и том же. Но никто из нас не сказал этого вслух.

***

Он проводил меня до дома. Пешком: сказал, что мне больше не стоит сегодня летать. Мы шли по вечерним улицам, и люди шарахались от него, а он не обращал внимания. На пороге лавки он остановился.

— Вы спасли моего человека, — сказал он. — Городская стража имеет право нанимать экспертов для консультаций в особых случаях. Это записано в уставе. Оплата консультации эксперта — по усмотрению начальника стражи.

Он протянул мне маленький кожаный кошелёк. Тяжёлый.

Я открыла. Внутри было десять золотых.

— Это не взятка, — сказал лорд, глядя куда-то поверх моей головы. — Это оплата консультации. С документом. Брен завтра принесёт бумагу с печатью. Всё законно.

— Это ровно взнос на экзамен, — сказала я.

— Совпадение.

— Конечно.

— Абсолютное совпадение, — сказал он.

Я посмотрела на кошелёк. Потом на него.

— Спасибо, — сказала я. — Кайрен.

Я сама не знаю, почему назвала его по имени. Вырвалось. От усталости, наверное.

Он посмотрел на меня. Долго. Ледяные глаза, вертикаль-

ные зрачки. И зрачки эти, кажется, на мгновение стали чуть шире.

— Не за что, — сказал он. — Лина.

И ушёл. А я стояла на пороге и смотрела ему вслед, и у меня горели щёки, хотя на улице было холодно.

— Ох, — сказал из лавки Мандя, который, конечно, всё видел. — Ох, ну всё. Ну всё. Пропала девка.

— Мандя, иди спать.

— Мандрагоры не спят!

— Тогда молчи.

— Мандрагоры не молчат!

Я закрыла дверь, поставила чайник и прижала холодный кошелёк к горящей щеке.

Три с половиной дня до экзамена. Взнос есть.

И дракон, который знает, как я разговариваю с пациентами. И которому от холода в собственных руках, кажется, очень больно.

Глава 7. Экзамен

Три дня я жила как в сессию.

Я читала «Травник Ривенхолла» с закладками от лорда. Читала бабушкины тетради. Сравнивала одно с другим, выписывала на отдельные листы, рисовала таблицы: местное название — внешний вид — что, по моему мнению, это за растение в моём мире — действующие вещества — показания — противопоказания — дозы. Мандя смотрел на мои таблицы с ужасом и говорил, что так никто не делает. Я говорила, что так делают все, кто сдаёт фармакологию.

Днём я давала советы — люди продолжали идти. Вечерами варила с Маней учебные зелья. Ночью зубрила.

Гретта кормила меня так, будто готовила на убой. Брен принёс бумагу с печатью о «найме эксперта для консультации городской стражи» и мешок дров, «просто так». Пип, бледный, но живой, пришёл с матерью, и мать плакала, а Пип краснел и смотрел в пол. Курица снесла яйцо прямо на бабушкину тетрадь по рецептуре, том третий.

А лорд дэ Арвиш не появлялся. Ни днём, ни вечером.

Только по ночам, когда я засыпала над книгами, где-то над городом, высоко-высоко, кружила ледяная искорка. Я видела её в дыру в крыше. И почему-то от этого было спокойнее.

***

В день экзамена я встала до рассвета. Надела лучшее, что

нашлось в бабушкином сундуке: тёмно-синее платье с белым воротничком, строгое и почти не штопаное. Собрала волосы в тугой узел. Посмотрела в зеркало с трещиной.

Из зеркала смотрела девушка, которая уже не была похожа на привидение. Щёки чуть порозовели — спасибо Гретте. Синяки под глазами поблёкли. Серые глаза смотрели серьёзно и решительно.

— Ни пуха, — сказал Мандя.

— К чёрту, — машинально ответила я.

— Почему к чёрту? — удивился он. — Кто такой чёрт?

— Это у нас так говорят. На удачу.

— Странный у вас мир, — проворчал Мандя. — Ладно. К чёрту. Иди. И помни: искру — не бойся. Дозируй. Ты умеешь.

Я наклонилась и поцеловала его в макушку, прямо в листья. Мандя возмущённо зашипел, но покраснел. Да, мандрагоры, оказывается, умеют краснеть. Они становятся слегка свекольного цвета.

***

Экзаменационный зал Гильдии был круглый, с куполом и галереей для зрителей. В центре — длинный стол, уставленный котелками, горелками, весами, ступками и сотней баночек с ингредиентами. На возвышении — стол экзаменаторов.

Экзаменаторов было трое.

Магистр Сполл — в центре, в своей изумрудной мантии,

сияющий перстнями. Справа от него — сухой высокий старик с длинной белой бородой, который, кажется, спал. Слева — женщина.

Ей было лет семьдесят. Маленькая, сухонькая, совершенно седая, с коротко стриженными волосами — неслыханно для этого мира. В простой тёмно-зелёной мантии без вышивки. Лицо — сеть морщин, а глаза — чёрные, острые, пронзительные. Как у вороны.

— Магистра Илва Торн, — шепнул мне на ухо клерк с моноклем, принимая у меня взнос. — Старейшая в Гильдии. Её даже Сполл боится. Она… дружила с вашей бабушкой. Когда-то. Потом поссорились.

Кроме меня, экзамен сдавали ещё пятеро. Четверо юношей и одна девушка, все в новеньких зелёных мантиях учеников Гильдии. Они смотрели на меня в моём бабушкином платье с откровенным любопытством. Девушка — с превосходством.

На галерее для зрителей сидели человек тридцать. Родители экзаменуемых. Зельевары. Просто любопытные. Брен, который помахал мне рукой. Гретта со скалкой — зачем она взяла на экзамен скалку, я так и не поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.